

ГАСТРОЛИ

Фигаро, Леня Шиндин и Андрей Миронов

«Я вынужден был идти дорогой, на которую я вступил, сам того не зная, и с которой сойду, сам того не желая, и я усыпал ее цветами настолько, насколько мне это позволяла моя веселость...»

Зал, только что смеявшийся над веселыми проделками Фигаро, замирает, с вниманием слушающая этот монолог, полный горечи и грусти.

И сейчас, когда слова вновь звучат, но уже не на сцене, а в тихом номере гостиницы, голос артиста так же взволнован.

— Уровень личности актера зависит от способности понимания и способности ощущения внутренних страстей, — говорит Миронов. — И еще важно определить, в какой степени лично ты можешь соответствовать каждому из героев, которых играешь. Надо пропустить себя через этот характер. Да, конечно, меня мало для Фигаро, но мне глубоко не безразличны его драма и его боль, меня будоражит то, что захватывает его.

Меня упрекают в том, что я слишком «моторный» актер. Может быть... Но ведь, чтобы хорошо и долго работал мотор, нужно много горючего. В работе так или иначе происходит сжигание себя. Актер горит и сгорает на сцене, во время игры.

Вообще, что такое «играть»? Я не знаю по этому поводу слов более точных, чем те, которые когда-то сказала наша великая актриса Мария Ивановна Бабанова: «Игра — это физическое ощущение собранной энергии и радость, когда направленная в зрительный зал энергия действует на него и возвращается к тебе с новой силой. Игра — взаимодействие актера и зрителя. Игра не есть ни переживание, ни представление. Игра — это достаточно точное слово». А теперь представьте, что это взаимодействие с несколькими сотнями людей сразу. Конечно, ради этого стоит сжигать себя. Здесь другая опасность: в желании завоевать зрителя мы иногда перегибаем... Лично мне игра дается трудно. Хотя я очень люблю актеров, которым играть легко, и среди них есть действительно большие актеры...

— Сейчас, в конце гастролей, вы уже целую неделю играете каждый день...

— Да. Не считая концертов.

— Какова ваша занятость в спектаклях в Москве?

— Десять-одиннадцать спектаклей в месяц. Это тоже много. Мне надо играть семь-восемь.

— «Женитьба Фигаро» игралась в театре сатиры уже около четырехсот раз. Как вам

удаётся бороться с амортизацией спектакля? Как сохраняется свежесть исполнения?

— Это большая проблема. И всякий раз ее надо решать в самом начале спектакля, вызывать максимальное доверие

ко всему начали играть этот спектакль, а уже появился фильм. Выходя на сцену, я иногда после третьей-четвертой реплики чувствую, что публичка в зале видела фильм. Приходится мобилизовать всю

нованный, всегда верящий.

Новосибирцы видели на этих гастролях Андрея Миронова в двух ролях. Московский театр сатиры не смог привезти всех спектаклей и, не будем забывать, что Андрей Миронов — это еще и Чацкий, и Хлестаков, и Дон Жуан, и Боян в «Клопе» Маяковского, и Мэкхит в «Трехгрошовой опере» Брехта, последней премьеры Московского театра сатиры.

Дожидаюсь своего выступления в концерте, Миронов в гримерной повторяет стихи на немецком языке. Это оригинальные тексты одного из зонгов «Оперы», которая вскоре будет показана театром на гастролях в ФРГ. В Новосибирске идут репетиции с переводчиком. И вот уже Миронов на сцене. Он показывает сцену из «Клопа» — «Обучение танцам», где изображает Присыпкина (которого когда-то играл) и Бояна (которого играет в театре сейчас).

Миронов пробует свои силы в режиссуре. Он постановщик интересного спектакля по пьесе Гр. Горина «Феномены», а сейчас увлечен А. Н. Островским. На окне в номере — текст пьесы «Бешеные деньги», испещренный пометками.

— Как вы относитесь к театральной критике?

— Очень хорошо. Жаль только, что порой смысл некоторых статей сводится к переказу содержания пьесы, а в других — с первых строк ясно, будут тебя хвалить или ругать. Мне кажется, критика должна не давать нам рецепты, а умно, точно и доброжелательно разбирать нашу работу. Что касается меня лично, то мне часто приходится на встречах со зрителем отвечать на вопросы о том или ином актере, режиссере. Здесь я стараюсь быть максимально деликатным и объективным. Не подразумевает ли сама наша профессия доброжелательного отношения друг к другу?

... Сегодня в нашем городе заканчиваются гастролы Московского театра сатиры. Сегодня в «Женитьбе Фигаро» на сцену снова выйдет народный артист РСФСР Андрей Миронов, чтобы бросить в зал свою взволнованность, энергию и веру.

Беседу вел режиссер
В. СУХОВЕРХОВ,
художественный руководитель
самодетельного Театра сатиры.

На снимке: народный артист
РСФСР Андрей МИРОНОВ в
роли Л. Шиндина.

Фото С. Юртаева.

зрителя. Тогда вдруг появляются новые краски, а в классической драматургии, тем более у Бомарше, всегда найдется много неразгаданного.

— Какие качества должны, по-вашему, отличать актера сатирического театра?

— Обостренное чувство смешного. Критический взгляд на действительность и при этом острая самокритичность. Непримиримость в желании искоренить то, чего ты не принимаешь, и при этом — большая внутренняя вера в добро, помогающая даже в трагическом ощущении роли основываться на утверждающем оптимистическом начале.

— Мне кажется, это ярко ощущается в вашем исполнении роли Лени Шиндина в спектакле по пьесе А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...» Вам не мешает, что зрители знакомы с недавним телефильмом по этой пьесе?

— Мешает. С фильмом поторопились. Наши театры толь-

нервную систему, уйти вовнутрь, к строгому аскетическому рисунку. И здесь мне всегда помогает огромное эстетическое удовлетворение азартом роли, ведь тем, что делает Леня Шиндин, невозможно не увлечься.

— Насколько конкретен для вас этот персонаж?

— Критика давно нарекла его «Дон-Кихотом из СМУ». Я не особенно задумываюсь над вопросом, есть ли именно такой человек на самом деле, насколько я похож на него внешне и по манере. Я хочу, чтобы такие люди были. В этой роли заключен высочайший человеческий пафос, пафос убежденности. «Я так считаю. Я так чувствую», — говорит мой герой. Он так чувствует, и в этом смысл его энергии и напора.

Фигаро и Леня Шиндин... Разные эпохи. Разные авторы. Разные страны. Разные человеческие драмы. Один и тот же исполнитель. Всегда взвол-